

ШОУ ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ ЗМЕЙ ИЛИ МАНИФЕСТАЦИИ БОЖЕСТВА В ИНДИЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Е. А. Реутов

*Киевский национальный лингвистический университет,
ул. Большая Васильковская, 73, 03150, Киев, Украина, yev.reutov@gmail.com*

В статье рассмотрен вопрос взаимодействия фольклорно-игровой и авторской поэтической традиции в индийской средневековой литературе. На примере творчества маратхского поэта XVI века Экнатха, творившего также и на хинди, прослежена связь между принципами реформаторского по духу религиозно-философского и общественного движения *бхакти* и традиционным народным мировосприятием. Статья вводит в научный обиход и открывает как для профессионалов-индологов, так и для любителей индийской культуры еще одну яркую страницу поэтического творчества течения *сант-мат* в русле движения *бхакти*. Движения, идеалы которого не только сформировали основные черты культурной жизни Индии той эпохи, но и в наше время во многом определяют менталитет миллионов ее жителей.

Ключевые слова: бхакти; сантЭкнатх; маратхская литература; Гаруда; сапера; культ Змея.

THE SNAKE CHARMERS' SHOW OR THE MANIFESTATION OF DEITY IN THE INDIAN POETIC AND FOLKLORE TRADITION

E. A. Reutov

*Kyiv National Linguistic University,
Velyka Vasylkivskast., 73, 03150, Kyiv, Ukraine, yev.reutov@gmail.com*

The article deals with the issue of interaction of folklore-game and author's poetic traditions in Indian medieval literature. On the example of the work of the Marathi poet of the XVI century, Eknath, who also wrote in Hindi, the connection between the principles of the reformist spirit of the religious-philosophical and social movement of bhakti and traditional folk ideas is traced. The article introduces into scientific use and opens for both professional Indologists and amateurs of Indian culture another bright page of the poetic creativity of the Sant-mat stream in line with the bhakti movement. That movement, the ideals of which not only formed the main features of the cultural life of India in those hours, but also in our time determine the characteristic features of the mentality of millions of its inhabitants.

Keywords: bhakti; sant Eknath; Marathi literature; Garuda; sapera; the cult of the Serpent.

Индийский фольклор до сих пор остается живым и актуальным искусством, имеющим свои собственные особенности в каждой части субконтинента. Благодаря выступлениям бродячих артистов, даже абсолютно необразованные люди получают живое представление о национальной истории и мудрости классической литературы. Выступления заклинателей-факиров, всегда привлекающие множество зрителей, уже давно стали одной из визитных карточек Индии. В аутентичном исполнении они становятся также коллективной игрой, в которой принимают участие и зрительская аудитория, и заклинатель, и его ядовитые воспитанники – змеи и скорпионы. Для более полного понимания индийского взгляда на такой феномен мировой культуры, как Игра, стоит упомянуть, прежде всего, термин лила, охватывающий парадигму смыслов данного понятия и используемый для обозначения всей реальности как творческой игры божественного Абсолюта.

Зарисовки относительно упомянутых выступлений заклинателей-змееловов сапера (от индийского слова сарп – ‘змея’) можно найти в поэзии широко известного в Индии средневекового литератора, творившего на языках маратхи (распространен в штате Махараштра и его столице – крупнейшем городе современной Индии, Мумбае) и хинди, санта Экантха (1533–1599). Течение сантов (святых) – поэтов и проповедников, к которому причисляют и данного автора, зародилось в русле религиозно-философского и общественно-реформаторского движения бхакти (хин. – ‘любовь, преданность по отношению к Богу’). Оно не только определило основные черты как поэтической, так и общественно-культурной жизни тогдашней Индии, но и сегодня формирует менталитет миллионов ее жителей [1, с. 62]. Иллюстративный материал для написания статьи заимствован в первую очередь из исследования Раджмала Бора («Индийская литература бхакти», глава «Поэзия Экантха на хинди»). Комментарии к приведенному иллюстративному материалу также основываются на упомянутом исследовании.

Необходимо отметить, что поэтическое наследие бхактов и сантов Махараштры XV–XVII веков является приоритетом научных изысканий и собственных переводов московского исследователя, доктора И. П. Глушковой, однако можно констатировать, что творческое наследие Экантха все еще освещено недостаточно полно. На сегодня произведения этого широко известного у себя на родине автора на русский язык не переводились и не издавались. Таким образом, данная

статья в некоторой степени вводит в научный обиход и отчасти приоткрывает как для профессионалов-индологов, так и для любителей индийской культуры еще одну яркую страницу поэтического творчества эпохи индийского Средневековья. Среди западных исследований творчества поэта необходимо упомянуть статьи немецкого индолога, профессора Гейдельбергского университета, Хью Ван Скайхока, обращавшегося к творчеству Эканатха в таких своих статьях, как «Ekanāthī-bhārude as performance genre» («Бгаруры Эканатха как жанр перформанса»), «Satire in the writings of Śrī Sant Ekanāth» («Сатира в творчестве Шри Санта Эканатха»), «The influence of Sufism on the Śrī Ekanāthī bhāgavat» («Влияние суфизма на Шри Еканатхи Бхагават») и прочих работах.

Творческое наследие Эканатха на языке хинди отчасти представлено поэзией малых форм в жанре бхарур – фольклорных в своей основе сценок, разыгрываемых в сельской местности странствующими исполнителями. Часть этих произведений, объединенных под названием гарур, посвящена работе заклинателей (сапера), фигурирующих в текстах этих стихотворений под названием гарури (или же гаруди). Термин напрямую связан с той легендарной птицей, которая в индийских мифах ведет бесконечную борьбу со змеями, а именно – огромным орлом и ездовым животным бога Вишну, царем птиц и полубогом по имени Гаруда. В соответствии с представлениями индуизма, птица Гаруда выискивает змей неверия, которые гнездятся в душах и умах людей, поэтому и задачи заклинателя змей гарури – напоминать людям о Боге и высшей цели [2, с. 50]. Основные орудия труда гарури, с помощью которых он привлекает внимание публики, это, с одной стороны – речь, а также змеи и скорпионы – с другой. К сожалению, по причине ограниченности объема статьи привести полный, снабженный переводом, текст одного из подобных произведений не представляется возможным, поэтому иллюстрацией послужит лишь краткий фрагмент, сопровождаемый комментариями.

Итак, змеелов-гарури стоит посреди площади в своем специфическом одеянии, с мешком за плечами. В нем – плетеные корзины, а в них – ядовитые животные, которых он носит с собой. Упорядочивая вещи и настраиваясь начать игру, гарури пытается овладеть вниманием окружающих, пробудив в них интерес к своей игре, и начинает говорить в своей характерной манере:

अव्वल याद करो वस्ताद की
 गुरु पीर पैगम्बर की
 और याद करो करतार की
 जिन्ने मंडान पैदा किया।
 अव्वल देखो यह कथा
 उसे नाम न था।
 नाम दरम्याने पैदा हुआ
 चल चल चल

Авваль йад каро вастад кі
 гуру пір пейгамбар кі
 аор йад каро картар кі
 джін-не манДан пейда кийа.
 Авваль декхо йе(х) катха
 усе нам на тха.
 Нам дармйяне пейда хуа
 чаль чаль чаль

[3, с. 153]

В словах гарури заложен определенный ритм, следуя которому он частично пропевает, а частично проговаривает речитативом свой текст и одновременно ведет свою игру. Гарури говорит: «Вспомним прежде всего об Учителе (Авваль йад каро вастад ки)», – гарури делает небольшую паузу. Вслед за тем, подхватывая ритм первой строки, произносит следующую фразу: «...и гуру , и пира , и пейгамбара , а также вспомним о Творце – картар !»

Аудитория гарури – индусы и мусульмане, поэтому он использует термины (названия, имена), которые удовлетворили бы обе общины. Впрочем, название, по словам гарури, не имеет никакого значения, от названия ничего не меняется, и вообще, в начале ничему и никакого названия не было (нам на тха). Экнатх устами своего героя подчеркивает, что название, имя – не суть главное, а номинация всего созданного, устроенного и обустроенного Творцом (картар-Брахма) и всей этой истории (катха-лила) состоялась позже и между прочим (дармйяне). Здесь вновь необходимо умозрительно представить то, что происходит в данный момент вокруг гарури. Сказав: «Прежде всего (авваль) вспомни (йад каро) о ...», он вынимает из своей корзины кобру и кладет ее на землю. «Который (джин-не) все породил (мандан пейда кийа)» – говорит змеелов, указывая вместе с упоминанием Всевышнего на кобру, и взглянув на людей, которые его окружили. То есть, и она тоже – часть и элемент этого Творения. Между тем, змея начинает двигаться, и заклинатель гарури, меняя контекст, восклицает, обращаясь к ней – «давай, давай, давай – пошел, пошел, пошел (чаль, чаль, чаль)».

Гарури ведет свою игру дальше, стремясь показать, что примерно такое же представление происходит и в мире вокруг нас. Посредством своих небезопасных питомцев он пытается продемонстрировать, что и в нашем мире происходит такой же спектакль, а наши любимцы

(надменный эгоизм, который символизирует самка кобры (нагин), яростный гнев, символом которого у гарури выступает ядовитый скорпион, а также похотливая страсть (самец кобры, наг)) очень опасны, и ведут в конце концов лишь к страданиям.

Смотрите внимательно этот спектакль, это зрелище, обращается далее к зрителям змеелов-укротитель, выпуская в круг кобру. Эта змея (самец кобры), говорит сапера – символ сладострастия, похоти и страстного желания. Наг (кобра-самец) начинает все быстрее передвигаться по площадке, а змеелов восклицает: «Тот, кто попал в этот круг – погиб». Здесь змеелов-сапера начинает бежать по кругу впереди кобры, которая все быстрее и быстрее его настигает. Он, не переставая, восклицает: «Ой-ой, ой-ой, ой ужалил, ужалил...» Таким образом сапера-гарури, держа в руках сосуд для сбора жертвований, обегает зрителей по кругу и просит их смотреть внимательно, а также совершить доброе дело. Вслед за этим он выпускает самку кобры (нагин), убирая нага и продолжая свою игру. «Вот на арене гордость» – продолжает змеелов, призывая зрителей остерегаться и быть осторожными. Здесь он снова бежит вместе со змеей, изображая боль и страдания от ее укуса, а под конец призывает зрителей искать убежища у ног наставника-гуру. Есть только один путь к спасению, и этот путь способен указать гуру!

Говоря о культе Змея, можно отметить, что этот загадочный образ, восходящий к наиболее архаичным человеческим верованиям, зачастую несет признаки амбивалентности, окрашиваясь то в негативно-отталкивающие тона, а то, приобретая черты сплошной сакрализации. В ряду необычайных подробностей, касающихся культа Змея-Дракона в представлениях аборигенов Африки, Австралии, Северной и Южной Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, стран Ближневосточного и Дальневосточного регионов, в древнеиранской (зороастрийский) и древнеегипетской, греческо-античной, скандинавской, балканской, славянских мифологиях, хотелось бы отметить, что в иудейской традиции Яхве мечет молнию «словно изогнутую змеей или ловкого скорпиона» [Иов, 26:13], а Христос Спаситель (несмотря на крайне негативный образ Змея в христианстве), обращаясь к апостолам, призывает их быть мудрыми как змеи [Матфей, 10:16].

Что касается Индии, то уже в ее древнейшем Риг-ведическом пантеоне божеств и демонических существ выделяется змееподобный демон-асура Вритра. Можно также отметить, что обязательным

элементом изображений Шивы, кроме знаменитого трезубца (тришула), является кобра (змеиный царь Васуки), оплетающая его тело вместо священного шнура. Будда изображается сидящим в позе лотоса под центральным капюшоном огромной семиглавой кобры, словно под шатром (чхатра – зонт, символ царской власти). Вообще в живописи такого рода на капюшонах кобр можно увидеть изображения драгоценных камней, символизирующих духовные сокровища. Кроме того, в традиционной индуистской иконографии Землю, как и другие планеты, держит в объятиях своих колец огромный тысячеголовый змей Шеша (Шеш-наг или Ананта (санскр., хин. – вечный, бесконечный)), плывущий в бескрайних просторах мирового космического океана. В завитках его колец отдыхает и сам Вишну, поддерживающий равновесие Вселенной. Однако заканчивается день Брахмы, Шеша (дракон Брахмы) испепеляет наш мир огнем своего дыхания и наступает, согласно индуистской концепции времени, ночь Брахмы, а затем – вновь и вновь мириады лет развития мирового Духа по циклическому принципу спирали, которая тоже имеет змееподобную форму. Змеевидную форму имеют, кстати, и структура ДНК, а также удивительная энергия Кундалини, которая прямо отождествляется со змеей, и на пробуждение которой направлены различные психофизические практики множества сосуществующих в Индии религий, культов, религиозно-философских школ и направлений. Так макрокосм замыкается в микрокосме при посредстве указанного символа. Интересно отметить, что понятие калпы (день и ночь Брахмы) занесено в книгу рекордов Гиннесса как самая крупная в мире единица измерения времени (4.32 млрд. лет), почти целиком совпадающая (расхождение 5%) с возрастом нашей планеты (определен на основании метода радиоизотопного датирования метеоритных образцов, образовавшихся до начала формирования планет Солнечной системы).

Можно предположить, что компаративистские исследования по данной проблематике на стыках культурологии, филологии, истории и религиоведения и сегодня могут подвести к неожиданным результатам. Бхаруры же Эканатха могли бы стать источником самых разнообразных сведений о различных сторонах общественной жизни, обычаев, быта и верований современного ему общества, а дальнейшие разведки в этом направлении – страницами пособия по этнопсихологии. Особенно с учетом того факта, что традиционный уклад индийской общины

меняется крайне медленно, несмотря на широко известные достижения в самых современных областях науки и технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глушкова И. П. Мир вокруг себя и мир вокруг Бога (на примере традиции варкари) // Ценностные ориентиры индийского общества: Сб. статей. М.: Наука, 2003.
2. Ekanāthī-bhāruḍe as performance genre. In: Lutze, Lothar (ed.), South Asian Digest of Regional Writing, vol. 10, Stuttgart [Franz Steiner]. 1984.
3. राजमल बोरा. भारतीय भक्तिसाहित्य.– नयी दिल्ली: वाणीप्रकाशन, 1994.

ОТ БОГАТСТВА – К КРАСОТЕ: ОБРАЗ ЛЯГУШКИ В КИТАЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

А. Р. Садокова

*Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова
Ул. Моховая, 11, стр.1, 125009, Москва, Россия, sadokova@list.ru*

Статья посвящена проблеме заимствования японской традицией китайского символа богатства и процветания – лягушки. Указывается, что изначально у японцев существовал свой культ лягушки как бога воды, выполняющего охранительные функции, но при соединении с китайской интерпретацией родился новый символ красоты и богатства. Ставится цель определить сферу бытования этого символа в Японии, выявить разницу в восприятии образа в народной среде и в литературной поэзии. Впервые проведенный анализ дает возможность сопоставить китайское и японское народное восприятие образа. Исследование подобного рода заимствований дает основание для широкого понимания процессов регионального культурного взаимодействия и глубины национальной культурной адаптации.

Ключевые слова: лягушка как символ; древняя поэзия; культурная адаптация; трансформация образа.

FROM WEALTH TO BEAUTY: FROGS IN CHINESE AND JAPANESE TRADITIONS

A. R. Sadokova

*Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya Avenue, 11, 125009, Moscow, Russian Federation, sadokova@list.ru*

This article is dedicated to how a traditional Chinese symbol of wealth and prosperity has been borrowed and adapted into Japanese tradition. Some point out that the frog already had an established role in Japan as a water god, a guardian. When this traditional image came to merge with the symbolism that the Chinese had placed on the frog, a new